

ЗАДЕРЖАВШИЕСЯ И/ИЛИ НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ: ПОЧЕМУ И КАК?

А.Ю. Мельвиль

<...> Михаил Васильевич наказал мне строго-настрою: говори недолго и только про интересное. Вот я и попробую порассуждать о сюжетах, которые мне очень интересны и даже волнуют. Это — тайны вынашивания и рождения (или, напротив, “аборта”) демократии. Почему одни страны становятся демократиями, а другие нет? Что нужно для успешной демократизации? Нужны ли для демократии какие-то специфические предварительные условия — социально-экономические, геополитические, цивилизационные, культурно-ценностные и пр. — или решающими являются определенные решения и действия политических акторов? Могут ли страны-неудачники, лишенные своей историей возможности вкусить блага демократии, выбраться из авторитарной “колеи зависимости” благодаря “субъективным” стратегиям, тактикам и волевым действиям демократизаторов или их судьба — ждать вызревания “объективных” условий для демократии? Это явно не новые вопросы, о них стали думать несколько десятков лет назад, но сегодня мы можем попробовать взглянуть на них несколько по-другому.

<...> В отличие от многих из вас, я все еще помню иллюзии 1968 г. — от бунта французской молодежи до “пражской весны”. И я, как и многие, бережно храню ностальгию по удивительной эпохе демократического оптимизма конца 80-х — начала 90-х годов, когда вдруг показалось, что политическая и общественная реальность стала пластичной и ее можно лепить или конструировать по известным демократическим лекалам. Дух того времени хорошо отражает удивительно точное название книги Джузеппе Ди Пальма “*To Craft Democracies*” (1990 г.) — как “изготовить” демократию, именно “вылепить”, а не “вырастить”. Тогда в политическом дискурсе укрепилось векторное представление о мировой динамике: от распада тех или иных форм авторитаризма — к либеральной демократии и рыночной экономике. Как будто “Коммунистический манифест” наоборот — все страны раньше или позже придут к торжеству демократического будущего. Либеральная демократия воспринималась тогда как универсальная ценность и всеобщая цель развития.

20 лет спустя, однако, политический мир выглядит совсем иначе. Как будто после какого-то “Большого взрыва”, траектории политического развития разлетаются в разные стороны, разрушая привычные режимные типологии. Мировая динамика вовсе не линейна, реальность уже не кажется пластичной, универсальной модели глобального развития нет. Нет единого вектора развития для всех стран и народов, нет единого будущего человечества — коммунистического, либерального, рыночного и любого иного — есть разнонаправленность, множественность миров в нашем современном “глобальном” мире.

МЕЛЬВИЛЬ Андрей Юрьевич, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки России, профессор ГУ-ВШЭ. Для связи с автором: andreymelville@gmail.com

<...> Впрочем, это вовсе не значит, что сейчас каждый “сам по себе” — разные страны и режимы тяготеют к “своим” кластерам (“старым” и “новым”), которые уже вряд ли можно расположить по какой-либо одной оси. Есть “старые” демократии, отнюдь не “идеальные”, они со своими проблемами, но при этом самокритично стремящиеся к совершенствованию. Есть “старые” автократии, которых “третья волна” обошла стороной. Есть причудливые “гибриды” — “демократии с прилагательными” и “автократии с прилагательными”. Есть “неудавшиеся государства” — “*failed states*”, применительно к которым говорить о демократии вообще не приходится. Есть все больше непризнанных государств и территорий. Есть “новые” автократии — примеры как “неудавшихся” демократизаций, так и очевидных регрессов в “неоархаику”. Кстати, эти “новые” недемократические режимы представляют особый интерес для компаративистов. Наверное, стоило бы еще подумать о дополнительных осях режимной классификации и продолжить попытки создания многомерных типологий (чем мы, в частности, пытались заниматься в рамках проекта “Политический атлас современности”).

<...> И вот я вновь спрашиваю себя: чем объяснить это удивительное режимное многообразие? В частности, были ли у стран-неудачников шансы на демократизацию, которые они в силу каких-то причин упустили? В существующих “тоннах” теоретической и компаративистской литературы по проблемам возникновения демократии и демократизации четко выделяются два больших потока: представители “структурного” подхода считают, что демократия органично вырастает из определенных объективных предпосылок, тогда как сторонники “процедурного” (“*Agency*-ориентированного”) подхода уверены, что все дело в субъективных обстоятельствах — решениях и действиях политических акторов.

74

Приверженцы “*Structure*” говорят о самых разнообразных объективных факторах. Во-первых, социально-классовая структура. Еще Баррингтон Мур утверждал: “Нет буржуа — нет демократии”, т.е. демократия возникает тогда, когда разрушается социально-классовая структура аграрного общества, возникает промышленное производство и новые социальные агенты. Во-вторых, экономическое развитие. Это, пожалуй, наиболее проработанная проблематика (от Сеймура Мартина Липсета до Адама Пшеворского и многих других), хотя по-прежнему вызывающая разночтения. У Липсета относительно просто: чем выше уровень экономического развития, тем больше вероятности рождения демократии. Пшеворский, Алварез, Чейбуб и Лимоджи на основании статистического анализа говорят, что это отнюдь не так — демократии могут возникать при разных экономических условиях, к тому же и демократии, и автократии способны к быстрому экономическому росту. Другое дело, что при высоком уровне экономического развития менее вероятен откат к авторитаризму. Надо сказать, что эти выводы продолжают оспариваться другими авторами. Однако ясно одно — зависимости между демократией и экономическим развитием существует. В-третьих, национальная идентичность и эффективная государственность. От Данкварта Растоу до Хуана Линца, Альфреда Степана, Чарльза Тилли и сегодняшнего Фрэнсиса Фукуямы вполне отработана аргументация в пользу этих факторов как предпосылок демократии, и мало кто возражает. В-четвертых, политическая культура “гражданского” типа. Эта линия идет от Габриеля Алмонда и Сиднея Вербы вплоть до сегодняшних разрабо-

ток Рональда Инглехарта, Кристиана Велзела, Стивена Фиша и др. При всем сходстве и различиях в аргументах (от почти максималистских требований, как у Алмонда и Вербы, до минималистских условий, как у Фиша), остается не до конца ясно, то ли массовые политические ориентации и ценности предвеляют демократизацию, то ли они являются результатом ее институционализации. В-пятых, отсутствие острых социальных, этнических, религиозных и др. конфликтов и расколов. Аргументация идет опять-таки от Растоу и в целом поддерживается результатами современных исследований (например, исследования Дэниеля Широ). В-шестых, модная тема “ресурсного проклятия” (почти уже классики по теме – Сэмюел Хантингтон и Майкл Росс, как и спорящий с ними Дэниел Трисман и др.). Сильный аргумент – экономика нефтяного “государства-рантье” позволяет власти экстенсивно решать задачи социально-политической стабилизации без каких бы то ни было модернизационных усилий. В-седьмых, религия: протестантизм способствует, все остальные нейтральны или мешают демократизации. Опять-таки, множество не всегда стыкуемых аргументов. Даже применительно к протестантизму: то ли он (в духе Макса Вебера) способствовал зарождению капитализма и демократии, то ли они ему способствовали? С исламом как “тормозом” вопросов меньше, но они все же остаются (допустим, степень секуляризации и др.). Вопросы совсем недостаточно рассмотренные – с православием, конфуцианством, буддизмом. В-восьмых – девятым и т.д., набор других проблем структурного характера – качество институтов, влияния международной среды, колониального наследия, даже территориальной близости к “старым” демократиям, даже роль климата и среднего уровня *IQ* (по Ванханену).

<...> “Agency-ориентированные” авторы говорят совсем другое: “Не существует иных предпосылок демократии, кроме желания национальных элит начать править демократически” (Ларри Даймонд). То есть, в фокусе внимания субъективные факторы. Во-первых, взаимодействия (“игры”) между ключевыми политическими акторами, типы “выхода” из авторитарного режима, отношение к “старым” элитам, смена элит, отношения с оппозицией, ротация власти, отношение к использованию насилия для разрешения политических конфликтов и др. (Гильермо О’Доннелл, Филипп Шмиттер, Адам Пшеворский, Лоренс Уайтхед и др.). Во-вторых, влияние избранного институционального дизайна “новой” демократии на результаты режимных изменений (форма правления, избирательная система и др.). Наконец, в третьих, и на это обращается особое внимание к последних транзитологических разработках, наличие или отсутствие эффективных институциональных ограничителей на возможный произвол исполнительной власти, независимо от конкретного институционального дизайна (Стивен Фиш и Джейсон Виттенберг, Итан Капстейн и Натан Конверс и др.).

<...> Не стоит преувеличивать непримиримость этих двух подходов: в конце концов “объективные” структуры воспроизводятся действиями “субъективных” акторов, тогда как, казалось бы, произвольно избираемые решения и осуществляемые действия на самом деле имеют свои исторические, социально-экономические, политические и иные “внешние” основания. Как говорит сам Пшеворский: “Больше, чем выборы, требуется для того, чтобы выборы состоялись”. Но, тем не менее, Линц продолжает: “Нет сомнения, что структурные фак-

торы — политические, экономические, социальные и культурные — имеют особое значение для понимания процессов консолидации и роли в них демократов. Поскольку многие из этих структурных факторов не удастся изменить в ближайшей перспективе, мы должны сосредоточиться на тех факторах, которые более подвержены влиянию политической инженерии...”. То есть, давайте все же попробуем, несмотря ни на что, “изготовить” демократию “прямо сейчас”...

<...> Так почему же это не удастся? То ли цепляют “структурные” оковы, то ли тормозят “неправильные” действия? Или что-то иное? Одна из проблем здесь в том, что практически на каждый теоретический аргумент сегодня, с учетом уровня знания теоретической литературы, мы в состоянии привести свой контраргумент (подкрепляемый соответствующими кейсами). Не стоит ли тогда попробовать обратиться к более системной обработке эмпирического материала, в том числе с использованием статистических методов?

<...> Вместе с Борисом Макаренко мы в рамках международного исследовательского проекта под руководством Адама Пшевского попробовали осуществить качественный экспертный эмпирический анализ влияния структурных и процедурных факторов на результаты режимных изменений в 29 посткоммунистических странах. Наши результаты показывают, что “структуры” не имеют сколько-нибудь определяющего влияния, по крайней мере, существуют многочисленные кейсы принципиального характера, которые резко выпадают из структурной логики. Скажем, постсоветские страны с высоким — в соответствии с классическими посылками — стартовым структурным потенциалом (уровень ВВП на душу населения, уровень развития человеческого потенциала и др.) теоретически обладали сходными шансами на демократический транзит — Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан. Почему же результаты столь разные? И наоборот, Молдавия и Монголия — страны удивительно низкого стартового (“структурного”) уровня — демонстрируют явно демократические траектории развития... Может быть, дело не в “структурах”, а в “актерах”?

76

<...> В рамках другого исследовательского проекта Высшей школы экономики “Анализ режимных изменений в современном мире: новые демократии и/или новые автократии” мы с Михаилом Миронюком, Юрием Полуниным, Иваном Тимофеевым, Андреем Загорским, Денисом Стукалом и другими коллегами пытаемся сочетать качественные и количественные методы анализа влияния структурных и процедурных факторов на режимные изменения в посткоммунистических странах (причем, в достаточно большом сравнительном контексте). Предварительные результаты проекта тоже свидетельствуют в пользу “актор-центрированного” подхода. В одних случаях их “игра” ведет к демократическому прорыву, в других — к “гибридному” торможению или регрессии в “новый” авторитаризм.

<...> Я пытаюсь сказать, что политические акторы в принципе способны преодолеть “структурные” ограничения и конструировать демократические институты и практики в “неблагоприятных” условиях. Конечно, существуют и непреодолимые структурные преграды (см. выше), однако хочется считать, что все же нет однозначной и вытекающей из структурной предопределенности “колеи зависимости” — и предварительные результаты двух исследовательских проектов, в которые я вовлечен, дают аргументы в пользу этого предположения.